

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ РОМАНЫ
ДАРЬИ ДЕЗОМБРЕ:

ПРИЗРАК НЕБЕСНОГО ИЕРУСАЛИМА
ПОРТРЕТ МЕРТВОЙ НАТУРЩИЦЫ
ТАЙНА ГОЛЛАНДСКИХ ИЗРАЗЦОВ
ОШИБКА ТВОРЦА
ТЕНИ СТАРОЙ КВАРТИРЫ
СЕТЬ ПТИЦЕЛОВА

Дарья Дезомбре

Ошибка Творца

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д26

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Оформление серии *А. Саукова*

Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства Ольги Рубис»

Редактор серии *А. Антонова*

Дезомбре, Дарья.

Д26 Ошибка Творца : роман / Дарья Дезомбре. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-110025-4

В Москве идет охота на красивых людей: погибают актриса, телеведущий, манекенщик.. Они никак не связаны между собой, и следствие скоро заходит в тупик: растворяются в тумане наемные киллеры, невинные признаются в убийстве, которого не совершали, а настоящий преступник, напротив, выходит из зала суда «за недостатком улик»...

Это полный провал. Оперативникам с Петровки Марии Каравай и Андрею Яковлеву такая череда неудач в новинку: они не могут отпустить нераскрытые дела и, пытаясь нащупать «корень всех зол», обнаруживают тонкую нить, уходящую в «лихие 90-е», в те времена, когда жертв еще и на свете-то не было...

Давнее преступление, задуманное как благо, оборачивается трагедией, затягивая в свою воронку все больше людей. И это только начало... Чтобы прервать катастрофическую цепь событий, должны погибнуть невинные. И среди них, возможно, Андрей...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110025-4

© Фоминых Д.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Бог делает все вещи хорошими, но человек
сует в них свой нос и превращает в зло.

Руссо (1724–1804)

А если так, то что есть красота и почему ее
обожествляют люди?

Н. Заболоцкий

ОТРЫВОК ИЗ ЗЕЛЕННОЙ ТЕТРАДИ

Лет пять тому назад, где-то через год после смерти матери, я нашел в завалах на антресолях древний чемодан из коричневого кожзама с металлическими уголками. Отпрыгнул, будто все эти годы был наготове, под моими неловкими пальцами железный замочек. Я открыл крышку и замер, как герой «Союзмультфильма» перед сундуком Али-Бабы. Внутри, переложенные свалявившимися комьями желтоватой ваты, лежали советские елочные игрушки: настоящее сокровище. Такие далекие по цвету от современного китайского ширпотреба, они выглядели нежно-изумрудными, апельсиновыми, пунцовыми хрупкими бочками. Серебристая пыль, призванная некогда изображать новогоднюю изморозь, оседала в вату. Некоторые оказались чуть побиты, обнаруживая полое нутро: снегурка на прищепке, разнокалиберные шары, домик под снегом и даже пара кукурузных початков — фисташково-зеленый и золотой. Я аккуратно перебирал их, вспоминая.

Удивительно, как лишены жизни старым предметам дано отбросить нас в прошлое: я вспомнил, что кроме игрушек елку украшали тонкой мишурой из фольги и похожим на серебристый ериш «дождиком», а под елку ставился пластмассовый дед мороз — сторож подарков, которые неизменно выкладыва-

ли для меня взрослые холодным утром 1 января. Я раскатывал по нашей большой комнате в коммуналке на трехколесном велосипеде, мешаясь у матери под ногами: она сновала из кухни в комнату с тарелками студня, которому еще предстояло застыть, «Наполеона», которому еще предстояло пропитаться. Я вспомнил звук сечки, яростно шинкующей капусту в деревянной миске, гром противней. Жар, насыщенный запахами пирогов, — из кухни, холод, тянущий морозным озоном, — из форточки. И, чтобы окончательно добить меня ностальгией по невозвратному, чемодан отдал мне свою последнюю драгоценность: в глубине, под слоем ваты, лежали несколько тетрадей по 48 листов, чуть пожелтевших от времени. На обложке, там, где положено писать фамилию, было старательным почерком выведено: «Дневник». Я слотнул, их перебирая, — я и не помнил, что вел дневник, да еще и так настойчиво — тетрадей было четыре штуки, и каждая пронумерована тонким карандашом матерью: 1, 2, 3, 4. Не решившись листать их сразу, я положил тетради на тумбочку рядом с кроватью: как вечернее чтиво.

Вечером же выяснилось, что дневник был не настоящий, а лишь разновидность «Читательского дневника», который от нас требовали в школе. Но вел я его по институт включительно: перерабатывая и обобщая полученную из книжек информацию. Последняя, четвертая тетрадь была заполнена едва наполовину, дальше шли чистые листы в линейку с отчеркнутыми полями. В тот день, отложив дневники и выключив свет, я еще долго думал о матери, перебирая воспоминания о ней, как те хрупкие елочные игрушки. Как она, накрасив рот, облизывалась привычной кошачьей гримаской, «делясь» алым жирным гляncем с нижней губой, или желто-белые полосы на ее махровом халате, уже вы-

цветшем, с торчащими нитками, купленном у золотозубой цыганки где-то на полустанке по дороге к морю. Или вот еще: запах земляничного мыла, которым она перекладывала свои вещи. Такой химический и такой родной.

А еще через несколько месяцев и случился наш разговор. И я вдруг взял ту последнюю тетрадь и ручку, всегда лежащую на тумбочке рядом с деловыми бумагами. Открыл на чистой странице, ближе к концу. «Дорогая мама! — написал я и вздрогнул. По черк, испорченный компьютерной клавиатурой, выглядел совсем чужим. — Я не знаю, как мне поступить, и, к счастью, уже не могу спросить тебя — ты не пережила бы такого вопроса. Мне придется убивать. Я легкомысленно разбросал камни, и вот — пришла горькая пора урожая. Но если я стану убийцей, то не смогу больше обратиться к тебе, даже в мыслях. Поэтому прощай, мама. Теперь уже — навсегда».

АЛИСА

Сергей Николаевич коротко нажал на кнопку звонка, чтобы предупредить о своем приходе, и сразу же сам открыл дверь.

— Я дома! — крикнул он в сторону второго этажа, ожидая легких шагов сверху, ее появления в коротком шелковом халате на лестнице. Ликующее всплескивание руками — будто взлетающая птица. Быстрый перебор длинных ног по ковровой дорожке лестницы вниз. Бросок к нему на шею: «Любимый!» Прелесть свежих семейных традиций. Никто никогда не встречал Рудовского с такой радостью, и весь этот пируэт вокруг его прихода был тем, ради чего он и спешил домой. Но сегодня в доме было тихо — очевидно, Алиса задержалась в институте или в театре. Он разочарован-

но пожал плечами: обидно, но ничего страшного. Зато будет время приготовить для нее сюрприз — ужин. На неделе едой занималась домработница. Но сегодня суббота — у домработницы выходной, значит, ему и кухарничать.

— Никогда не думала, что мужчина может так вкусно готовить! — говорила ему Алиса, отправляя в красиво очерченный рот очередной приготовленный им деликатес.

И он, как всегда, не мог отделаться от желания снять все это в сильном увеличении на камеру, как рекламный ролик. Алису вообще всю можно было снимать в сильном увеличении, не опасаясь изъяна. И все воспринималось как реклама: реклама ее плеч, пальцев, глаз, волос. Любая драгоценность, любая шмотка, которую он ей дарил, не украшала ее, а напротив: украшалась — ею. С ней можно было снимать всякий жанр: от тупой комедии до фильма ужасов. Сюжет не имел значения, когда она появлялась на экране. Ни на кого больше уже не хотелось смотреть. Думать, что подобная женщина любит его, живет рядом, спит с ним — немолодым мужчиной, пусть и с интересной сединой, — казалось Рудовскому ежедневным чудом. Ничего, что она задерживается, — тем приятнее будет самому встретить ее, снять с нее плащ и туфли на каблуках, помассировать утомленную маленькую ступню и — накормить.

Он вынул из пакета кусок вырезки, которую собирался запечь, азербайджанские помидоры, щедрые пучки регана и кинзы, красный сладкий лук, молодую картошку. Удовлетворенно кивнул. Надо б переодеться: в костюме готовить было не с руки. Рудовский сполоснул руки, вытер их наскоро кухонным полотенцем и поднялся наверх.

В комнате, распахнув дверцы гардеробной, он быстро выбрал футболку и джинсы: модные, с молодежными прорезами на коленях — дань молодой жене. Повесил костюм, бросил, не глядя, рубашку в корзину для грязного белья. Заглянув в зеркало, провел крупной рукой по начинающим седесть, но еще густым волосам. И замер — на белоснежном ковре за огромной постелью торчали ступни ног. Те самые «рекламные» маленькие ступни с красным педикюром, которые он так любил ставить на ладонь. «Алиса!» — крикнул он, мгновенно испугавшись до обморока. И, бросившись к ней, запнулся на ковре, рухнул в ногах — ступни были теплые, на секунду ему показалось, что все в порядке, ну, почти всё, и, обхватив их, он нашел силы поднять голову и взглянуть... туда, где на шелковом розовом халате расплозлось бордовое пятно.

* * *

Тело увезли, и он почувствовал странное облегчение и вместе с тем — острую тоску. Дом опустел навсегда. Он сидел на диване, стараясь не обращать внимания на следы крови на джинсах. Ему вкололи успокоительное, и он был спокоен. Рассеянно глядел, как постепенно темнеет в глубине сада листва, облаком окружающая светлые даже в сумерках березовые стволы. Цветное кино его жизни на глазах превращалось в черно-белое. Напротив него в кресле, которое он занимал обычно сам (а Алиса забиралась с ногами на диван, листая глянцевого журнальные картинки), сидела молодая девушка, по виду лишь на пару лет старше Алисы. Он машинально профессиональным взглядом оценил ее лицо — ненакрашенное, широкоскулое: что-то между Кейт Бланшет и Марией Мироновой. Над ним надо бы поработать — выщипать брови, нанести грим... А Алисе ничего этого было не

нужно. Она и так была прекрасна — кольнуло сердце. Похоже, любая его мысль, как коза, привязанная к колышку, сделав круг, всегда возвращалась к ней. Он заметил, что девушка пытается незаметно оглядеться, — и сам себе кивнул. Дом был его удачей, главным трофеем, пока не появилась Алиса. Хорош — всего два этажа, перетекающие одно в другое большие пространства. Стены выкрашены в натуральные цвета: терракота, бежевый, жемчужно-серый. И огромные окна.

— Оля хотела, чтобы дом растворялся в окружающем пейзаже, сливался с ним, — сказал он вслух, а девица замерла. Судя по растерянному выражению на лице, решила, что он спутал имена. — Оля — моя первая жена, — пояснил Рудовский.

— Вы в разводе? — Девица чуть напряглась.

— Я — вдовец, — кратко ответил он, и его передернуло от осознания, что он вдовец уже дважды. И быстро продолжил: — Оля попала в аварию в гололед, не справилась с управлением машины. Мы жили с ней в этом доме восемь лет. И полгода — с Алисой.

«Счастливейших полгода», — добавил он про себя.

— Расскажите, пожалуйста, про вашу жену. — Девица явно смущалась своей настойчивости. Она, похоже, ничего не поняла: он хотел говорить про Алису. Просто боялся захлебнуться словами и слезами, но если она настаивает...

— Не знаю, кто мог бы желать ей зла, — начал он с банальности. Но разве банальность не может быть правдива? — Какая-то нелепость. Очевидно, нас хотели обокрасть, вор сумел усыпить ее бдительность. Это несложно — Алиса доверчива, как ребенок. Доброжелательна к миру, хотя из очень проблемной семьи. В девяностых, когда она родилась, едва ли не нищенствовали. — Рудовский сглотнул. Голос дрожал, но не срывался — уже слава богу. — Родители

были против того, чтобы она шла в театральный. Но Алиса настояла, и ее, конечно, сразу же взяли. Мы с Потемушкиным, режиссером, присмотрели ее, когда собрались снимать фильм по Тургеневу. Алисе тогда едва исполнилось девятнадцать. От нее нельзя было глаз отвести. Потом... — он вздохнул, — я брал ее на все проекты, которые снимал. В принципе, ей можно было ничего не делать в кадре, но она еще и отличная актриса. И жена... — Он вновь отвернулся к окну, поглядеть на тонкие березовые стволы под светлым июньским небом, выдохнул, сдержал рыдание. Дал себе полминуты, чтобы выровнять голос.

— Вы вот, наверное, думаете, какая избитая по нынешним временам история — юная девушка, муж, старше ее в два раза? — Он усмехнулся, глядя на девицу с Петровки. Она смотрела на него со спокойным вниманием. — А ведь у нас была настоящая любовь, и нежность, и понимание, когда и слов не нужно. Собирались сделать четверых детей — с Олей у меня детей не получилось. Сначала берегла фигуру, а потом... — Он махнул рукой. — А Алисе было наплевать на фигуру. Она хотела отказаться от проектов, которые ей предложили после «Вешних вод», — только бы больше времени проводить со мной. Я был против — не желал казаться Коцеем, чахнувшим над своим сокровищем, стареющим ревнивцем... Да и к кому ревновать-то?

— Понимаю, — кивнула девица, будто и правда могла что-то понять. А потом, заглянув в свои записи, спросила: — Алиса ведь еще занималась благотворительностью?

— И как успевала? — Рудовский покачал головой. — Все гоноары свои перечисляла в этот фонд. Вечно бегала туда, что-то выбивала, играла с детьми в больницах...

Рудовский кивнул на фотографию, стоящую на журнальном столике: Алиса, в кружевном платье, обнимала скорчившего в кресле ребенка. Маленькое сморщенное личико мальчика почти неприлично контрастировало с Алисиным. Он отвернулся. Убогий мальчонка с фотографии был жив, а его Алиса... Деввица, слава богу, поняла, что пора откланяться. Встала, забрала сумку:

— Большое спасибо, что уделили мне время.

— Не за что. — Он тяжело поднялся с дивана и добавил, вновь банальное: — Это ваша работа.

Он прошел за ней в прихожую — через открытую дверь кухни был виден натюрморт кулинара: мясо, помидоры, кинза. Еще пару часов назад он хотел приготовить ужин, а сейчас жизнь его закончилась. Рудовский отвернулся, заставив себя смотреть на русую макушку оперативницы: стоит ли ей рассказать про Алисину записную книжку? И решил — не стоит. К убийству те непонятные цифры явно не имеют отношения, а тогда зачем? И он галантно открыл перед ней тяжелую входную дверь. Деввица обернулась: брови нахмурены, смотрит с жалостью.

— Вы точно не хотите вызвать кого-нибудь из семьи, чтобы не оставаться одному?

Она так ничего и не поняла.

— Алиса была моей семьей, — сказал он, — и кого ни вызывай, все равно я один. Знаете, — он усмехнулся, — я эгоистично радовался, что она младше меня, потому что был уверен — Алиса меня похоронит, будет в последние дни держать за руку, и мне не придется жить без нее. Простите.

И, не выдержав, он захлопнул тяжелую дверь прямо перед ее носом.

АНДРЕЙ

Андрей выслушал Машины речи о большой и чистой любви, посетившей продюсера Рудовского, сорока восьми лет, с некоторым недоверием. Но Маша была непреклонна: от Рудовского шла волна такого отчаяния, что хотелось как можно быстрее уйти из этого дома. Девушку было жаль, но еще жальче оказалось этого большого полуседого мужчину.

— Не знал, что ты так сентиментальна, — поддел ее он, но не сильно. Он сам был сентиментален, когда дело касалось Маши. — Значит, первый подозреваемый — муж — точно не замешан?

— Точно никто не знает, — философски заметила Маша, — но все-таки маловероятно.

— Любовник?

— Муж говорит, что нет, — пожала плечами Маша. И сама же кивнула, мол, знаю-знаю. — Но муж всегда узнает все последний.

— Вот-вот. — Андрей щелкнул ее по носу. — Давай-ка разделимся: я поеду в театр, а ты позвони... — Он глянул в записи: — В благотворительный фонд «Спаси жизнь».

— Хочешь подышать воздухом закулисья? — улыбнулась Маша. — Увидеть актрис в неглиже?

Но Андрей даже не счел нужным отвечать на безусловную провокацию: сгрел Машу в охапку, поцеловал строго так, по-товарищески, в губы (все-таки отлично, что она не красится) и пошел себе в Театр им. Чехова.

* * *

Воздух закулисья оказался пыльным, а вид закулисья — тоскливым. Театр, расположенный в одном из арбатских переулков, был явно на последнем издыхании: протертые старые кресла, клубки пыли по углам, разошедший паркет.

— Он ге-ни-аль-ный! — объявила ему администратор, дама лет пятидесяти, с объемной грудью, увешанной объемными же янтарными бусами. — Он выведет наш театр на новый уровень!

И она помахала в воздухе рукой в крупных серебряных кольцах с малахитом: то ли виртуальный дым сигарет разгоняла, то ли подозрения пришедшего оперативника насчет медленного умирания российской Мельпомены.

— У него уже две международных премии плюс «Золотая маска» и «Золотой Арлекин»! Знаете, он берет русскую классику, того же Островского, и выворачивает его наизнанку. Зрители выходят потрясенные, взбаламученные искусством...

На «взбаламученных» Андрей не выдержал:

— Значит, режиссер Саркелов пришел в ваш театр совсем недавно и сразу пригласил на главные женские роли Алису Канунникову?

— И тут вы не угадали! — Энтузиазму дамы не было предела. — У Алексея свое, авторское видение. Суть была в том, чтобы дать Алисочке выразиться в нетипичных для нее характерных ролях. Ведь что предлагают такой девушке? — И администратор лукаво улыбнулась.

— Что? — не нашелся что ответить далекий от Мельпомены Андрей.

— Инженю, юную красавицу — Джульетту, к примеру. А у Алеши она играла в тяжелом, уродовавшем ее гриме, а затем постепенно как бы открывала истинное свое лицо. Как душу, понимаете? И душа ее была прекрасна...

— Ясно. — Андрей потер переносицу. — И какие отношения, кроме профессиональных, связывали Алису с Саркеловым?

— Никакие! — возмутилась администратор, даже побледнела. — Вечно гадости какие-то ищите. Талантливые молодые люди, у каж-

дого своя личная жизнь... Алиса, между прочим, замужем! У Алексея тоже... Отношения!

— С кем?

Дама подняла тонко выщипанную бровь на чуть оплывшем лице, сложила большие руки на исцарапанной столешнице:

— Вот этого не могу вам сказать. Он со мной, знаете ли, не панибратствует.

* * *

Выйдя от администратора, Андрей ткнулся наобум в первую же приоткрытую дверь. В небольшом помещении пахло нафталином и старой шерстью. Справа на входе стоял шкаф, на нем горой лежали шляпы: фетровые с полями, соломенные с лентами, треуголки — с перьями. Несколькими рядами до самой дальней стены густо шли вешалки с костюмами. В глаза Андрею бросился поблескивающий серебряной нитью кафтан с белоснежным жабо. В глубине спиной к нему сидела девушка в черном свитере-лапше. Золотистые волосы локонами спускались до середины худенькой спины. Когда она обернулась, Андрей хмыкнул: «девушке» было уже к пятидесяти. Девичья прическа, как ни парадоксально, ее скорее старила. Лицо под слоем пудры казалось кукольным, почти неживым, но при вопросе об отношениях главного режиссера театра мгновенно пришло в движение.

— Ха! Тоже мне, секрет Полишинеля! Какая-то баба из Министерства культуры! — Костюмерша дрогнула белокурыми бубками. — Нашу-то богадельню прикрыть хотели: залы пустые, актеры к спектаклю готовятся спустя рукава, слова — и те не учат! Так сначала слух прошел: отдаем помещение под какое-то присутственное место, а потом этот наш кузнечик прискакал — Алешка Саркелов.

Тут и разговоры начались, мол, не дадим погибнуть искусству! Возродим театр! Возродить — это сейчас дело модное, сами знаете. Сначала изничтожили что можно, а теперь оживить пытаемся, тьфу! — И она вполне натурально сплюнула.

«Все-таки в театре даже костюмеры не лишены своеобразного актерского дарования», — усмехнулся про себя Андрей. А костюмерша торжественно закончила:

— Ну а он с собой эту чертову девицу привел, очевидно, как символ эпохи Возрождения.

Андрей кивнул, а дверь внезапно распахнулась, и на пороге появился высокий худой юноша с длинным лицом.

— Майя Александровна! — начал он и осекся, увидев Андрея.

— А вот и он. Явился, не запылится! — краем рта сообщила костюмерша Андрею и расплылась в медовой улыбке: — Алексей Валерьевич, тут следователь пришел, с Петровки. По поводу убийства нашей Алисочки.

— Старший оперуполномоченный капитан Яковлев, — поправил ее Андрей. — Где мы могли бы с вами побеседовать?

ИРАКЛИЙ

«Все-таки, — думал Иракий, паркуя машину, — странная история».

Странный звонок. Странный голос — то писклявый, то басовитый. Будто кто-то неумело пытается его, голос, изменить. И то, что этот человек знает про Иракия, тоже странно. Зря он согласился на встречу. Он замер на секунду, прежде чем открыть дверцу машины, посмотрел на кусочек блеклого, не налившегося еще синевой неба, едва видного из-за небоскребов Москва-Сити. «Да еще и такая рань несусветная...» Иракий зевнул, вынул себя из низкого спор-

тивного автомобиля, сладко потянулся. На улице было свежо, даже воздух еще не пах, как обычно, бензином. — Да ладно. Встретится он с этим чуваком. Наверное, журналист какой. Выкопал древнюю историю и пытается его шантажировать. Детский сад. Не на того напал. Иракий прошел быстрым шагом к бизнес-центру. Кивнул охраннику на входе, вызвал лифт. Огромное зеркало отразило широкоплечую фигуру в сером комбинезоне — нечто среднее между спортивным костюмом и пижамой: голову покрывал капюшон, позволяющий совершать утреннюю пробежку и быть неузнанным, на ногах — кроссовки из мягкой кожи. Стильно и уютно. Иракий вынул мобильник и сделал селфи — «лифтолук». Пока доехал до нужного, последнего этажа, успел запостить фото в инстаграм с надписью: «В здоровом теле здоровый «Ух!».

Двери открылись, и он снова накинул капюшон.

— Меня ждут, — сообщил он спящему на ходу официанту.

— Еще не подошли, — ответил гарсон, пытаясь сдержать зевок.

Иракий выбрал столик в дальнем углу. Из панорамного окна, выходящего на террасу, открывался вид на нестерпимо блестящие на утреннем солнце столичные небоскребы.

— Двойной эспрессо, — кинул он официанту и развалился на стуле, поглядывая по сторонам. Ни души. Кафе обслуживало работников бизнес-центра — днем в этом месте будет не протолкнуться. Вечером, где-то с пяти, народ тоже набивался, чтобы пропустить стаканчик, поглядеть футбол или пофлиртовать с коллегой. Но в шесть утра здесь не было никогошеньки, и Иракий сам себе кивнул. Незвестный явно не дурак. Тут их точно никто не потревожит.

— Доброе утро, — услышал он за спиной и резко обернулся. Рядом стоял высокий рыжебородый мужчина в кепке и светлом плаще.

Иракий быстро просканировал его взглядом — от коричневых ботинок до ворота черного свитера, торчащего из-под плаща. Втянул носом воздух: от неизвестного исходил легкий запах нафталина. Официант подошел и поставил перед Иракием наперсточек эспрессо, а перед долговязым — большую чашку капучино.

— Будьте добры, сделайте так, чтобы нас никто не беспокоил, — сказал неизвестный спокойным голосом заспанному халдею. И тот мгновенно испарился.

«Никакой он не журналист, — понял Иракий, снова исподтишка оглядывая мужчину напротив. Что-то было не так. Одежда, родом из 80-х, явно вынута ради встречи с ним из глубин платяного шкафа, окладистая рыжая борода, а брови и ресницы — темные. Иракий вздрогнул. — Что за бред?»

— Зачем вам накладная борода? — спросил он, глядя прямо в карие с зеленью глаза мужчины.

Тот улыбнулся — зубы были свои, кривоватые.

— Ничего себе, как вы меня рассекретили. Это, — он легонько дотронулся до бороды, будто боялся, что она отклеится, — даже не ради меня — ради вас. Вы же личность известная. Зачем... — неизвестный задумался, подыскивая слова, — вас компрометировать?

— Я не девушка, — нахмурился Иракий и отодвинул от себя пустую чашечку. — Не стоило так утруждаться.

А мужчина ничего не ответил:пил капучино маленькими глотками и внимательно оглядывал Иракия. Взгляд был странный. Иракий почему-то вспомнил своего приятеля, что держал в Подмосковье питомник породистых ротвейлеров. Однажды тот был вынужден пристрелить одного из своих лучших производителей — красавца Зигмунда. Зигги, как приятель его называл, заболел

бешенством. Прошлой осенью Иракий наблюдал, как приятель недрогнувшей рукой поднял ружье и... Что за чушь лезет в голову?

— По телефону вы сказали, что у вас есть очень важная информация, — сказал он, почему-то нервничая.

— Не здесь. — Рыжий допил свой капучино и встал.

Иракий посмотрел на него с сомнением:

— Тут никого нет.

— Тут есть камеры. И есть люди, которые умеют читать по губам, — усмехнулся неизвестный. — Мне все равно. Но если хоть что-нибудь из этого просочится в прессу, вашей карьере конец.

Иракий встал. Черт с ним! Надо побыстрее с этим покончить. Мужчина толкнул дверь на террасу. Иракий вышел и вздохнул: красиво все-таки. Горят золотым огнем громады небоскребов. Чуть дальше серебристой лентой сверкает Москва-река. Внизу, совсем крошечные, снуют автомобили — шумит большой город. А здесь, в вышине, тихо. Только очень уж высоко. Иракий опасливо подошел к ограждению из прозрачного пластика.

— Сюда. — Мужчина подозвал его чуть левее. — Поглядите, с южной стороны отлично виден храм Христа Спасителя!

«Да какая разница?» — подумал Иракий, но послушно подошел.

А в следующую секунду долговязый мужчина в светлом плаще мгновенным жестом выбил пластиковый лист ограждения и с силой толкнул его вниз. От неожиданности Иракий коротко вскрикнул, вызвав шок у ранних уборщиц парой этажей ниже, а следующий протяжный крик уже потонул в утреннем московском шуме.

А человек в светлом плаще зашел обратно внутрь кафе, допил последний глоток чуть теплого капучино, слегка одернул коротковатый по нынешней моде рукав и увидел, прямо под большой косяной пуговицей на манжете, крошечное темно-бурое пятнышко.

Кровь. Еще с прошлого раза. Он усмехнулся: плащ стал у него почти униформой. А это неправильно. Его придется сжечь, придумав себе на будущее новую экипировку.

Он положил купюру в тысячу рублей под чашку и спокойно отправился к лифту.

Официант, задремавший на стуле за барной стойкой, даже не заметил, как остался один.

ОТРЫВОК ИЗ ЗЕЛЕННОЙ ТЕТРАДИ

... что человеческая ДНК совпадает с ДНК банана на 50%. Хорошая ли это новость? Не знаю. С другой стороны, нейроны головного мозга соединены меж собой, подобно структуре Вселенной. С одного боку — банан. С противоположного — бесконечность. Пугающая простота рядом с пугающей же сложностью. Вот еще новость: почти половина генетического ДНК-материала, найденного в нашем желудочно-кишечном тракте, пока абсолютно неподвластна классификации. Генетики знают, что это не: не-бактерии, не-грибок, не-вирус. Но что же это тогда, черт возьми?! Они назвали субстанцию «темной биологической материей» по аналогии с той «темной материей», поисками которой заняты астрофизики. Подозревают, что именно там, в этом темном непонятном месте и хранится наша генетическая память — от первых примоходящих сапиенс. И именно там содержится запас прочности, позволяющий человеку выдерживать экстремальные условия существования и выживать в борьбе с вирусами, не прибегая ни к каким лекарствам. По большому счету, если мы сравним генетику с иностранным языком, где имеется многотомный словарь, — сами гены плюс энное количество грамматических правил, организу-

щих наследственную информацию, приходится признать: несмотря на огромный научный прорыв в генетике в XX веке, мы на этом языке еще не разговариваем. И даже не лепечем. Только мычим.

АНДРЕЙ

— Да бога ради, приходите, — раздался хриплый голос в трубке. — Я дома и никуда не собираюсь.

И Томская закашлялась так, что не оставалось никаких сомнений — и правда не собирается. Телефон и адрес ему дал режиссер Саркелов — актриса была единственной конкуренткой покойной Алисы Канунниковой на театральных подмостках. Жила она в десяти минутах пешком от театра, и Андрей с удовольствием прошелся, потому что погода в кои-то веки радовала — ровное тепло, затянутое белесыми полупрозрачными облаками небо, не жарко, не холодно. Мечта, а не погода.

— Нужно быть удачливой, как я, чтобы заболеть в июне, — сказала, открыв ему дверь, гнусаво Томская. Нос у актрисы был красный, халат — ядовито-зеленого цвета, на ногах — шерстяные носки с начесом. А сама она оказалась крошечной, не выше метра шестидесяти. Отодвинув, не глядя, ногой серого дымчатого кога-британца от двери, Лиза впустила Андрея внутрь. От большой прихожей вели двери в комнату и коридорчик — на кухню. Андрей успел заметить на кухонном столе Пизанскую башню из тарелок. По квартире витал слабый запах жареной рыбы.

— Пойдемте в мою комнату, мы эту квартиру на двоих с подругой снимаем. — И она чуть подтолкнула его к двери справа.

Комната Лизы была светлой и в прибранном виде, наверное, достаточно просторной. Но сейчас везде — на полу, на кровати,

застеленной претенциозным черным шелковым бельем, на стуле и широком подоконнике — валялись вещи. Колготки, джинсы, юбки, нижнее белье... Андрей смущенно отвел глаза.

— Простите, — сказала Томская у него за спиной все так же в нос. — Болею уже неделю. Не до уборки.

Андрей хотел было сказать, что прийти к такому хаосу всего за неделю невозможно, но промолчал: кто он такой, чтобы давать советы по наведению порядка? Они с Раневской и не в таком бардаке живали — и никто не умер.

— Творческий беспорядок у творческой личности, — вместо этого сказал он.

Томская кокетливо улыбнулась и, сняв кипу вещей со стула, перебросила их на кровать:

— Будьте как дома.

А сама нырнула обратно в постель. Андрей усмехнулся, сел на стул, оглядел батарею лекарств на прикроватном столике.

— Я знаю, зачем вы пришли, — сказала Томская, высморкавшись в бумажный платок и бросив использованный комочек на пол. — Майка-костюмерша уже доложила. Рыдать я перед вами не буду, хоть и могу это сделать профессионально, а нос с глазами и так красные.

— Так чего ж не порыдаете? — поднял бровь Андрей.

— А не хочу. — Томская посмотрела на него с вызовом: — Не любила я вашу Алиску, вот и все!

— Завидовали? — усмехнулся Андрей.

А Лиза кивнула:

— Ага. Завидовала. А кто б ей не завидовал, с такой фигурой и мордашкой? Тем более из актерской братии. Для нас внешность — так сказать, «товар лица». Но дело не в этом.

— А в чем же? — Андрей вытянул ноги — эта кареглазая малютка начала ему импонировать своей искренностью.

— А в том, что с такой внешностью легко казаться ангелом. Не то что мужики — иные бабы ведутся. Возьмем нашего Алешеньку...

— Который собирался дать вам главную роль, а потом передумал? — сощурился Андрей.

Лиза махнула маленькой ручкой с красными коготками:

— А вы меня не провоцируйте, я вам и так все расскажу. Почему, думаете, она в нашу заштатную шарашку пришла? Это с мужем-то — ведущим продюсером на Первом?

— Из любви к искусству? — предположил Андрей.

— Ха! — сказала Лиза и закашлялась. Злобно глянула на Андрея, потянулась к кружке на прикроватном столике, отпила явно уже холодного чая. — Не смешите меня, — продолжила она хриплым шепотом. — Она просто узнала, кто у нашего кузнечика любовница!

— Кто-то из Министерства культуры? — продемонстрировал свою якобы осведомленность Яковлев.

— «Кто-то»! — передразнила его Лиза. — Министрша, на секундочку! Новая Фурцева — так ее, кажется, называют!

— И что? — пожал плечами Андрей. — Ну, новая.

— Вы совсем идиот или прикидываетесь? — Лиза сверкнула карими глазами. — Она может все. Может дать нашему театрику такое государственное финансирование — закачаешься. А если Алешке надоест с театром играть, кинет денег на кино — проект века. Снимай — не хочу.

— Хотите сказать, что Алиса только по этой причине и появилась в вашем театре?

Лиза вместо ответа смерила его презрительным взглядом, потом взяла со столика ингалятор для носа и, полная достоинства, пшикнула себе пару раз в каждую ноздрю.

Андрей задумался: министр, приревновавшая молодую актрису к своему фавориту? Почему нет? Он вновь посмотрел на Лизу:

— А что вы сами делали вчера вечером, Елизавета? Ведь соперничество в профессиональных кругах тоже дело обыкновенное.

— Это да, — широко улыбнулась Лиза. — У нас тот еще гадюшник. Только тут вам не повезло — весь вчерашний день моя подруга сидела дома и может подтвердить: кроме как сморкаться, чихать и дышать над кастрюлей с картошкой, я не занималась ничем предосудительным.

МАША

Маша на секунду отвлеклась, замерев с трубкой у уха. С ней в последнее время это случалось довольно часто. В последнее — с тех пор, как она вернулась из Лондона. Ситуация должна была разрешиться. Но не разрешилась. А напротив, еще более запуталась. Она осталась рядом с Андреем — там, где и должна была быть. И для всех казалось логичным продолжение цепочки: Маша Каравай вернулась в Москву, вернулась к Андрею, а значит — пришла работать обратно в МВД. На круги своя. Но своя ли?

— Ты не можешь, — сказал ей Петя, заявившийся пару недель назад к ним с матерью на чай, — просто не имеешь права теперь всю жизнь чувствовать себя в долгу.

— Нет? — грустно улыбнулась Маша. — А что бы ты чувствовал на моем месте?

Петя расстегнул — то была уже третья чашка чаю — свой скучнейший адвокатский пиджак, и Маша ахнула — под ним обнару-

жился разноцветный жилет в оранжевых и фиолетовых райских птицах. Высший шик, тайная британская эксцентричность настоящего денди.

— Не знаю, — честно сознался Петя. — Но ведь это же ловушка. Прямо как в классической английской литературе: между долгом и чувством.

— Нет, — покачала головой Маша. — Не прямо. Долг и чувство у меня в одной корзине. Но ловушка все равно есть. Я должна была понять, что делать дальше, но не успела. Андрей спас мне жизнь, и всё — я уже не способна к размышлениям. Просто хочу быть с ним рядом, и если это значит продолжать работу на Петровке...

— Не знаю, — повторил Петя, упрямо тряхнув головой в темно-рыжем ежике. — Все равно выбор необходим любому человеку...

Выбор... Маша вздохнула. Петя уехал обратно в Вестминстер, так и не дав Маше ответа. По той простой причине, что ответ она должна была дать себе сама.

Маша досадливо положила трубку на место: она выбрала не лучший момент, чтобы предаваться раздумьям.

Вот, например, только что она дозвонилась в благотворительный фонд и выяснила, что покойная Алиса Канунникова почти не появлялась ни в фонде, ни в больнице. Впрочем, Антонина Викторовна, глава фонда, на «Алисочку» все равно молилась. Зачем молоденькой девочке, спрашивала она Машу, смотреть на «такое»? Зато Алисочка рассказывала о фонде во всех своих интервью и даже организовала на прошлогоднем «Кинотавре» гала-ужин, куда пригласила кучу знаменитостей, собрав много, очень много денег... Что ж, вопрос с благотворительностью, похоже, прояснился.

Но ведь где-то Алиса все-таки проводила время, официально отданное умирающим детям в хосписе?

Маша, хмыкнув, взялась за распечатку звонков с телефона Канунниковой. Алиса регулярно звонила мужу, маникюрше, косметичке и парикмахеру. Пару раз — отцу с матерью. Разговоры были короткие. У нее, как признался Маше Рудовский, было немного подруг — все они остались в районе на окраине, где Алиса окончила восьмилетку. В институте девушка тоже мало с кем близко сошлась: во-первых, месяцами пропадала на съемках. Во-вторых, рано начав делать блестящую карьеру, не пользовалась расположением однокурсников. Маша задумалась: мало кто тянется к откровенно некрасивым людям, если только эта некрасота не оживлена игрой ума, чувством юмора или обаянием. Но, получается, можно стать парией, даже если ты красива? Маша пометила себе побеседовать с маникюршей и парикмахершей — одинокие девушки часто делятся с ними своими секретами.

И открыла распечатку СМС. Там тоже была своя закономерность, но на месте частого номера телефона Рудовского появился совсем другой набор цифр. Она повертела мобильный актрисы в руках: на экране зажглась фотография — Алиса в обнимку с мужем. Телефон был защищен паролем, но Маша, взглянув в свои записи, нашла дату рождения Канунниковой и забила день и номер месяца в открывшееся окошко для пароля — вариант почти беспроигрышный. «Пароль введен успешно». На экране сменилась фотография — теперь это была Алиса крупным планом. Маша нашла иконку СМС и открыла, сверяя каждое из сообщений со своим списком. СМС от маникюрши и парикмахерши остались на месте, но сообщения от того, с кем она переписывалась чаще всего, исчезли, будто их и не было. Алексей Валерьевич Саркелов, 82-го года рождения, прочла она строчку в своих бумагах. Режиссер театра. Маша не знала, насколько принято в театральных кругах переписыв-

ваться с режиссером, у которого ты занята в основных спектаклях, но факт того, что Алиса стирала сообщения, мог свидетельствовать только об одном.

— Андрей, — сказала она в трубку, продолжая перебирать СМС, — боюсь, тебе придется вновь побеседовать с режиссером. Ты далеко уехал?

— Да нет, — голос Андрея звучал глухо, — только что вышел из гостей. Был, между прочим, у ведущей актрисы. Видел ее, кхм, неглиже.

— Что? — нахмурилась Маша, оторвавшись от Алисиного мобильного.

— Как ты и предполагала. К сожалению, неглиже отдельно, актриса — отдельно. А знаешь, кто любовница у нашего режиссера-кузнечика? Сама министр культуры! Ничего себе, да?

— Кстати, — медленно сказала Маша, — не только она. Похоже, еще и Алиса Канунникова.

— Да ладно! — На другом конце трубки хлопнула дверь парадной. — И как ты это поняла?

— Потом расскажу, — сказала Маша, ей жаль было тратить время на объяснения. — Просто побеседуй с ним с глазу на глаз. Так сказать, прицельно, хорошо?

И, получив заверение Андрея, что прямо сейчас, куда деваться, он отправится обратно к пыльной Мельпомене, она повесила трубку и продолжала читать одно за другим СМС.

«Жанночка, запиши меня на педи в восемь в четверг».

«Алиса, получили пилинги французские, если интересует, звони».

«Как Вы просили, перенесла укладку на шесть, Марина».

«Забрал твои вещи из химчистки. Люблю».

И вдруг:

«Алиса, я знаю, что это сделала ты. Бездушная дрянь, будь ты проклята!»

АНДРЕЙ

«Кузнечик — очень правильное прозвище», — подумал Андрей, глядя на сутулую фигуру на подоконнике. Только что он задал ему основной на сегодня вопрос, и капитану даже не потребовался ответ — настолько красноречива была поза режиссера, мгновенно сгорбившегося и по-детски прячущего лицо, делая вид, что его очень интересует двор за окном кабинета. Андрей вздохнул: вот и приехали. Банальная драма. Он был старше ее, она была хороша и нашла себе кого-то помоложе... Но тут Саркелов повернулся к Андрею, и тому стало не по себе — такое откровенное страдание читалось в невыразительных серых глазах молодого дарования.

— Будет лучше, если вы мне сразу все расскажете, Алексей, — мягко сказал Андрей, поскольку Саркелов, так и не произнеся ни слова, вновь отвернулся к окну.

— Вы ничего не поймете, — ответил тот, продолжая смотреть на пейзаж за окном.

— А вы попробуйте, — вздохнул Андрей. — Я, конечно, особа не больно тонко чувствующая, но...

Саркелов вяло слез с подоконника и сел в свое кресло за столом.

— Что вас интересует? Когда это началось?

Андрей кивнул.

— Почти сразу, как только мы начали репетировать. Это было родство душ, если хотите. — Саркелов сделал паузу, взглянул на него вызывающе. Андрею было нечем крыть. Родство душ — понятие эфемерное. — Мы пытались провести вместе каждую свободную минуту...

— Любовь? — спросил Андрей почти без выражения. Он хотя бы понимает, этот режиссер-авангардист с оригинальным подходом, какую пошлость несет?

— Любовь. — Саркелов кивнул, вновь подняв на него взгляд, и Андрею стало неловко от неприкрытого страдания, исказившего лицо режиссера.

— Ясно, — только и мог сказать он. — Так почему же Алиса не бросила своего мужа и не воссоединилась, так сказать, с вами? Детей у нее не было, и...

— Дело не в детях. Рудовский ей был как отец, она чувствовала себя ему обязанной за все, что тот для нее сделал. Кроме того, он был нездоров, и бросать его в такой ситуации было бы просто жестоко. А Алиса... Была какой угодно, но не жестокой.

— То есть вы не ревновали? — откинулся на стуле Андрей.

Саркелов бессмысленно переставлял на столе стаканчик с карандашами и степлер. Пожал плечами:

— Ревновал, конечно. Ну а куда деться-то? Это Алисе решать. И потом — он многое мог ей дать в карьерном плане, а я...

— А у вас есть высокая покровительница, разве нет? — не выдержал Андрей.

— Уже насвистели, — мрачно усмехнулся Саркелов. — Ну, есть. Все равно мне нужно было встать на ноги...

— И при такой сумасшедшей любви никого из вас не смущало, что у обоих есть еще отношения «на стороне»?

Саркелов чуть покраснел:

— Ну хорошо. И что мне было делать? Предложил бы я Людмиле расстаться, думаете, она бы не докопалась до Алисы?

— Докопалась бы?

— За день! — хмыкнул Саркелов, поелозив на стуле. — Полагаете, если она министр, то у нее нет комплексов?! Как считаете, дала бы она потом Алисе сниматься, играть в театре? Да она похорони-

ла бы ее как актрису! И не думаю, чтобы Алиса сказала мне за это спасибо...

— Ясно, — покачал головой Андрей. — А ваша Люда не могла...
Алексей мгновенно вскинулся:

— Да вы что! Во-первых, она ничего не знала о наших отношениях — мы были очень осторожны.

— Ну я же узнал, — пожал плечами Андрей.

— Вы — другое дело, — дернул головой Саркелов. — А Люда бы не стала убивать. Она же не сумасшедшая! Оскорбиться, испортить жизнь мне или Алисе — да, это легко. Но подсылать убийцу?

Андрей был согласен с его аргументами, но сделал вид, что размышляет. И тогда режиссер вынул последнюю карту из рукава:

— Да и не влюблена она так уж, чтобы ради меня на убийство пойти.

— Уверены?

Саркелов поморщился:

— Уж поверьте. У нее каждые полгода пассии меняются. Я не первый и не последний. А вот Алиса... — Голос его дрогнул. — Алиса любила меня по-настоящему.

«Все ж таки какие мы все, мужики, идиоты!» — посмотрел Андрей на него с жалостью и уже хотел было откланяться, как вспомнил, что Маша перезвонила ему с еще одним вопросом.

— «Я знаю, что это сделала ты. Бездушная дрянь, будь ты проклята!» — процитировал он по памяти.

Саркелов вздрогнул:

— Что вы сказали?

— Не ваше СМС?

Режиссер посмотрел на него во все глаза и молча помотал головой.

— Ясно. — Андрей поднялся со стула. — Не знаете, кто мог от-
править такое Алисе?

— Не знаю, — сглотнул Саркелов, дернув кадыком, и тоже встал.
И Андрей уже открыл дверь, когда тот добавил: — Но догадываюсь.

ОТРЫВОК ИЗ ЗЕЛеноЙ ТЕТРАДИ

*...и чем больше мы узнаем, тем дальше простирается великая
пустыня нашего незнания. Говорят, Клеопатра вскрывала живото-
ты своим беременным рабыням, чтобы понять, как развивается
человеческий плод. Ведь если задуматься — именно эта лабора-
тория, создание из ничего — человека, и есть самое главное чудо,
сродни тем, еще библейским, прямоком из священных текстов.
Единственное чудо, которое даровано наблюдать человеку и дано
испытать почти каждой женщине. Сегодня, к счастью, у генети-
ков появились более гуманные способы заглянуть в лабораторию
Жизни.*

*Один из способов — методология ошибок. Эти сбои в работе
природы — еще их зовут мутациями — и являются для ученых
ценнейшей нитью Ариадны. Следуя за ней, наблюдая за появле-
нием сиамских близнецов, двухголовых ягнят или шестых паль-
цев, мы получаем во владение еще один малюсенький кусочек пазла
генной грамматики.*

*Впрочем, даже не видя общей картины, ясно одно: на уровне
генетики наше отличие от любого из мутантов — тех же си-
амских близнецов — мизерно, почти незаметно. Маленький сдвиг,
крошечный узелок в огромном генетическом полотне наших ДНК.
Сдвиг столь незначительный, что возвращает нас к вопросу: где
норма? От чего отталкиваться ученым, описывая патологию?*

Ответ на этот вопрос пугающе прост: нормы не существует. Нет в природе понятия «палата мер и весов». Нет, по аналогии с идеальным метром и килограммом, единственно «правильного» человека. Мы все мутанты. Просто некоторые большие, чем другие.

МАША

— Он умер, Андрей. Профессор Кононов. — Маша вздохнула.

Они сидели на крыльце на дачке. Воздух был тих, пахло медовой травой и дымом. Из ближайшей канавы концертировали лягушки. Голова Раневской лежала у Маши на коленях. Они отуживали, и пес с Андреем находились в отличном расположении духа: желудок полон, Маша рядом — чего еще желать? Одна Маша все никак не приходила в состояние нирваны.

— Понимаешь, — говорила она, глядя с нажимом лобастую башку Раневской, — у мужа — алиби. Он весь день сидел на съемках на Новоастаповской. У любовника — алиби. Он репетировал новый спектакль в Таллине. Есть еще министр — ее проверим, конечно, но я, честно говоря, доверяю суждению твоего «кузнечика»: не стала бы она рисковать своей карьерой. Будь у них более серьезные отношения, и то не факт. Ну и последний из подозреваемых, профессор, умер пару месяцев назад. Тут тоже алиби — не подкопаешься.

— Как ты вообще поняла, что у нее с профессором был роман? — Андрей с видимым удовольствием вытянул ноги, подвинув разлегшегося Раневскую.

Маша пожала плечами:

— Полгода назад Алиса вышла замуж за своего продюсера. И тогда Кононов посылает ей СМС «будь счастлива» — типичное «как дай

Вам Бог любимой быть другим», проходит несколько месяцев, и тут такое — «дрянь, будь проклята!» — в общем, страсть. Разве нет?

Андрей кивнул:

— Наверное. Думаешь, узнал, что Алиса крутит роман с молодым режиссером?

Машина рука на секунду замерла на голове у Раневской, и тот сейчас же распахнул карий и очень наглый глаз. Маша улыбнулась и продолжила сеанс ежевечерней глажки.

— Вряд ли. Подумай: «Я знаю, что это сделала ты!» Если бы речь шла о романе, он бы написал: «Я знаю, что ты делаешь» — в смысле, мне изменяешь. А тут речь скорее о каком-то событии, о котором никто не догадывался, что это вина Алисы, а Кононов узнал и был в ужасе.

— А от чего он умер-то?

Маша усмехнулась:

— Ничего подозрительного. Острая сердечная недостаточность. Профессору было около семидесяти. Слабое сердце. Инфаркт.

— Около семидесяти? — поднял бровь Андрей. — Ничего себе! Девушка не промах: трое любовников, причем заметь — трех возрастных категорий. Может, там еще кто-нибудь имеется, стоит только покопать?

— Может, — задумчиво кивнула Маша. — Но мне все-таки интереснее покопаться в истории с Кононовым.

— Так сходи завтра в театральные да и выясни там на месте. Все равно, похоже, следствие зашло в тупик? — Он взял и поцеловал ее в ладонь, оторвав от жесткой башки Раневской. — Да, я ревную к собаке! — ответил он на ее иронично поднятую бровь и кивнул распахнувшему в возмущении глаза псу. — И кто меня осудит? Ты

его гладишь уже час как! Вспомни, когда ты последний раз так гладила меня?

Маша расхохоталась и встала, потянувшись, со стула:

— Ладно, пойдем спать!

И, уходя с террасы, услышала, как Андрей заявляет Раневской:

— Без тебя, дружок, без тебя!

АНДРЕЙ

А на следующее утро его ждал сюрприз. Дело о скандальном телеведущем криминальной хроники Ираклии Джорадзе. Андрей мрачно смотрел на лежащую на обширном столе непосредственного начальника, полковника Анютина, тоненькую папку с делом, переданным на Петровку вчера вечером. За тем его и вызвали в кабинет к руководству.

— Значит, так, капитан: актрису оставишь Каравай. А у нас тут нечаянная радость — еще одна знаменитость. Везет тебе, Яковлев, сплошной гламур: подающая надежды актриса, ведущий центрального телеканала. Цветы и поклонники. Покрутишься среди звезд, пообтешешься, чем плохо?

Анютин чуть ли не ворковал, тот еще сказочник. Ему ли не знать: ничего хуже, чем убийство знаменитости, нет. Круг подозреваемых расширяется до бесконечности, включая тысячи полубезумных фанатов, пресса лезет под руку, бывшие жены, друзья и любовницы пользуются кончиной, чтобы порассказать небылиц, — а ты проверяй. Андрей взял папку, поднял мрачный взгляд на Анютина:

— Дело, как я понимаю, на особом контроле?

— Правильно понимаешь, — резко сменил интонацию Анютин. «Вот по кому театр-то плачет!» — подумалось Андрею.

— Тут же криминальная хроника, капитан.

— Ах да! — еще больше помрачнел Андрей. Еще и криминальная хроника. Полный набор. Он встал и, коротко кивнув, вышел.

* * *

В кафе на сороковом этаже было шумно — очевидно, никого не смутило недавно произошедшее тут убийство. А может, напротив — именно поэтому все и набежали: офисный планктон решил пощекотать себе нервы. Андрей неприязненно оглядел местную публику: классические серые и темно-синие костюмы, белые и голубые рубашки, гладко выбритые лица, запах дорогих одеколонов. Андрей прикинул, стоит ли выходить на закрытую ныне для посетителей террасу — осматривать подпиленный участок в ограждении? И решил — не стоит. Как свидетельствовали показания директора заведения, на террасе камер не было. И, похоже, преступник это отлично знал. Криминалисты уже высказали предположение: пластик, скорее всего, покроемсаи специальным ножом для резки оргстекла и пластмассы. Такой можно купить в любом из магазинов для рукастых и хозяйственных мужчин и подготовить территорию заранее — в дождь, к примеру, когда терраса совсем безлюдна.

Андрей заметил нужного ему официанта и сделал знак рукой. Полный, с виду похожий на сонного медвежонка малый неожиданно быстро принес меню. Андрей рассеянно заглянул внутрь: «Домашние сырнички с бабушкиным вареньем». И сразу же с отворачиванием закрыл. Как он уже понял, меню модных столичных ресторанов характеризовались двумя типами блюд. Первые были непроизносимыми, к примеру: «Глазурированный сибас в конфи из фенхеля и спаржи». Ты смутно представляешь, что заказываешь,

платишь втридорога, за эти деньги еще и чувствуя себя провинциальным идиотом. Вторые играли на народности и ностальгии по детству, без конца сюсюкая со своими клиентами: «Нежные котлетки, как у мамы», «Щички, как у бабки» и так далее. И ничего, что бабка померла еще до вашего рождения, а мать была алкоголичкой — кого это волнует? Приторная интонация прилипала к губам, но Андрей еще помнил, что его бабушка никогда не варила варенья, а мама если и делала сырнички, то те вечно разваливались на сковороде и подгорали.

— Кофе, — сказал он официанту. — И какие-нибудь макароны, лучше с мясом.

— Паста Паоло? — Гарсон занес ручку над блокнотом.

— Ее. И еще, — Андрей кивнул на кресло рядом, — присядь.

— Мы с гостями не сади... — начал тот, но Андрей молча показал ему корочки, и парень плюхнулся рядом, подняв на него испуганные глаза: — Да?

— Мне нужно, чтобы ты вспомнил того человека, который пришел вместе с Джорадзе. Как он выглядел?

— Да я ж все уже...

— Еще раз.

— Ну, борода рыжая, высокий, худой вроде, но плащ такой, мешком, не особенно разглядишь. Я вон даже Джорадзе не узнал, он в очках темных был и в капюшоне на голову, а я...

— Подменял друга после ночной смены. Я читал показания. Теперь вспомни, как он говорил, интонации, может быть, акцент?

Парень пожал плечами:

— Да нет. Не было акцента. Но говорил он... — Гарсон задумался, почесал коротко стриженную круглую голову. — Знаете, по-начальнички. Спокойно так. Но не так, как здешние начальники.

— Здешние? — сощурился Андрей.

— Ну, из бизнес-центра разные менеджера. — Он сделал ударение на последнем слоге, и Андрей понял, что парень тоже недолюбливает тутошнюю публику.

— И в чем разница?

Парень мотнул головой:

— Не знаю, как объяснить. Как будто он настоящий начальник, понимаете? Без нажима так, интеллигентно, но слушаешься — на раз.

Андрей вздохнул, глядя на парня: мол, это все? Парень виновато поморщился:

— Больше ничего не помню. Извините. Кофе-то вам нести с пастой?

— Нет, — Андрей встал, — спасибо.

И покинул заведение. А спускаясь в лифте, приободрился: не зря все ж таки съездил. Если задуматься, много ли интеллигентов среди больших начальников? То-то.

МАША

Маша сидела в огромной гулкой аудитории театрального института и ждала Дину Вербову. Ей пришлось звонить Рудовскому, чтобы уточнить имя и фамилию ближайшей Алисиной институтской приятельницы и одноклассницы. Голос продюсера звучал глухо, но имя он назвал без колебаний — Вербова, хоть и не была задушевной подружкой, пару раз ночевала у них дома. Благо место есть, а Дина иногородняя. Маша сама себе кивнула — еще бы, уезжать на ночь глядя из такого особняка да в студенческое общежитие. Они договорились встретиться с Диной в перерыве между занятиями, и вот Маша уже начала рассеянно разглядывать из окна толпу студентов,

распивающих пиво в садике вокруг здания, когда дверь в аудиторию распахнулась и на пороге появилась высокая, очень худая девушка с драматически подведенными глазами, в черном.

— Я — Дина, — представилась она, позабыв поздороваться.

— А я — Мария Каравай. Здравствуйте, — исправила ее оплошность Маша, протягивая девице руку. Дина пожалала ее с явной опаской. Ногти у нее были фиолетовые с перламутром, квадратные. Маша жестом предложила ей присесть за парту рядом, и Дина, громко втянув носом воздух, опустилась на стул, с некоторым вызовом вытянув длинные ноги: короткая юбка, черные плотные колготки и байкерские ботинки с черепами по бокам. Маша вспомнила тонкое, с бархатистой кожей лицо Алисы — голубоглазой блондинки, короткий шелковый пеньюар цвета нежной зари, в котором ее нашли, — привет из галантного века. Что у этих двоих общего?

— Да не мучайтесь вы! — вдруг сказала Дина и подмигнула Маше: — Я же вижу, о чем вы думаете: что у нас с Алиской общего?

— Семья? — предположила Маша, вспомнив, что Рудовский говорил о детстве Алисы, прошедшем почти в полной нищете.

— Не-а, — накрутила на палец Дина единственную длинную прядь волос за ухом. Вся остальная голова была в коротком ежике. — У меня предки очень положительные — в Сбербанке всю жизнь работают. Служебный роман. Получали хорошо, меня, как могли, баловали. А у Алиски родичи — пьянь подзаборная. Как такую цацу заделали — большой вопрос.

— Были, наверное, другие точки соприкосновения? — вернула ее к цели беседы Маша.

Дина кивнула, улыбнулась, обнажив мелкие острые зубы:

— А то! Взаимовыручка, как и положено у друзей!

Маша смотрела на нее во все глаза: не похожа была эта Вербова на человека, только что потерявшего близкого друга.

— Да не подруга она мне! — вновь будто услышала ее Дина и почесала облаченную в шерстяные колготки коленку.

— Не жарко? — усмехнулась Маша.

— Есть чуть-чуть. — Дина вдруг широко улыбнулась; заиграли аж четыре ямочки — две на щеках и две на маленьком подбородке. — Но имидж — наше всё! А по поводу Алиски, ну, стыдно сказать... Мы не дружили. Мы друг друга использовали. Вот и все.

— Нет, — нахмурилась Маша, — не все. Как использовали?

Дина опять почесала коленку, помрачнела.

— Да как, как! Рудовский ее давал мне пару раз в эпизодах сниматься — не бог весть что, но задел, так сказать, на будущее. А я...

Она замялась.

— А вы ее прикрывали перед мужем, так? — спросила без улыбки Маша.

— Ну да! — с вызовом пожала плечами Дина. — А что такого-то? Сам дурак, раз верил. Кстати, не только перед мужем. И перед Коновым...

— А вот с этого момента поподробнее, — нахмурилась Маша. — Что за отношения у Алисы были с профессором?

Вербова закатила глаза и продекламировала с надрывом:

— «Пускай скудеет в жилах кровь, но в сердце не скудеет нежность... О ты, последняя любовь! Ты и блаженство, и безнадежность!» — Посмотрела насмешливо на Машу: — Как-то так примерно. Она падала с ним в обморок. Кстати, с Рудовским тоже. Очень эффективный прием. Только надо это делать натурально. — И, увидев, что Маша непонимающе нахмурилась, добавила: — Ага. Вы, значит, не падали. Да еще небось не с «папиком» живете?

— Не с «папиком», — подтвердила растерянная Маша.

Дина кивнула и поерзала, поудобнее устраиваясь на стуле:

— Значит, так. Когда выбрали себе объект — а тема больше работает, понятное дело, с мужиками хорошо за сорок, нужно просто подойти, что-нибудь спросить незначашее и — хлоп! — упасть в обморок. Причем желательно ему на руки, а не затылком о бетонный пол. Уж не знаю, какие это там включает у них механизмы, но, если хорошо выглядеть и натурально хлопнуться, попадание почти сто процентов.

Маша смотрела на нее во все глаза, а Дина явно наслаждалась таким вниманием девицы с Петровки.

— Ну и, значит, ловит он вас, эдакую бездыханную, начинает бить по щекам, приводить в чувство, как Спящую красавицу. Тут вы ме-е-едленно открываете затянутые поволокой глаза и говорите... — Она сделала эффектную паузу и, убедившись, что Маша ее все так же внимательно слушает, закончила: — Ах, это вы?

Маша не выдержала, расхохоталась, и Дина, выйдя из образа проснувшейся красавицы, хохотала вместе с ней.

— Да вы талант! — отсмеявшись, заявила Маша.

— А то! — кивнула важно Дина, но тут же поправилась: — Хотя, честно скажу, у Алиски получалось круче. Поэтому наш «мастер» и запал. Влюбился, страдал: мол, нам не суждено быть вместе, я хочу твоего счастья, зачем я тебе нужен, старая развалина. И как в воду глядел — помер пару месяцев назад.

— Долго длился роман? — Маше было слегка неуютно от Дининого молодого цинизма. Но, может быть, это тоже — имидж?

Дина закатила глаза, вспоминая:

— Ну, с год, наверное, длился.

— И как он отнесся к тому, что Алиса вышла замуж?

— Как, как... Плохо, конечно. Когда Алиска с Рудовским роман на площадке крутили, он был еще не в курсе — я прикрывала. А потом... Посерел, ходить начал, знаете, так — шаркая. Жалко, конечно, старика. Через год вроде отошел, повеселел, а два месяца назад вдрут бряк, и...

— Ясно. — Маша закрыла блокнот и встала. Вскинула глаза на Дину, так и не сменившую позы. — Как вы думаете, почему он написал Алисе такое СМС: «Я знаю, что это сделала ты. Бездушная дрянь, будь ты проклята!»?

— А? — Дина быстро подобрала ноги, испуганно хлопнула густо накрашенными ресницами. — Ни фигя себе! Ничего не думаю, но, блин, не похоже на нашего Александра Ивановича!

Маша кивнула: она подозревала, что вряд ли Дина в курсе этой загадочной истории, но решила на всякий случай проверить. Теперь следовало найти родственников профессора, побывать у него дома. Где-то должно найтись объяснение тому странному СМС, после которого профессор получил свой сердечный приступ.

А Дина, сглотив, добавила:

— Выходит, он, ну, и скопытился из-за этой истории, а?

ОТРЫВОК ИЗ ЗЕЛеноЙ ТЕТРАДИ

...и только в одном случае в мировой истории уродство было более востребовано, чем красота, и на нем стоит остановиться подробнее. Представь себе, что ты родился в веке эдак XVI в бедной семье. У тебя множество братьев и сестер — контрацепции не существует, а христианская доктрина «плодитесь и размножайтесь» довлеет над умами твоих родителей, которым никогда — никогда! — не выбраться из нищеты. У твоих братьев — нормальный

рост, который позволит им, став крестьянами или солдатами, умереть либо на полях баталлий, либо на вполне мирных полях от непосильного труда. Но в твоём черепе, у основания мозга, не функционирует маленький комочек ткани, размером с горошину. Мощественную горошину, отвечающую за выработку молока у кормящих матерей и спермы — у мужчины. Горошину, что влияет на нашу способность справляться со стрессом и на развитие груди у девочек-подростков. Благодаря ему строятся наши кости, а на костях нарастает плоть. Он, гипофиз, — король, что правит балом. Но у тебя эта горошина отказывается делать свою работу, и вот в 15 лет ты едва достигаешь 60 сантиметров, и родители, приглядываясь к тебе, понимают: они породили уродца. И хмурые лица их наконец разглаживаются — похоже, они вытянули счастливый билет.

АНДРЕЙ

Андрей поймал себя на том, что до боли сжимает подлокотники кресла, всем телом подавшись к экрану, на котором крутилась одна за другой передача «Криминальный час». «Ну ни фиги ж себе! — думал он, забывая дышать. — Понятно, почему программа была все рекорды по рейтингам!» Начавшись на второсортном региональном канале, она обросла поклонниками, выкладываящими каждый из выпусков в Ютюб. Видео мгновенно набирало миллионы просмотров. Это было круче любой другой передачи на тему преступности, которую он когда-либо видел, круче криминального сериала. Да что там! Это было круче самого крутого боевика в кино 3D. Это было — настоящее. Все происходило так быстро, так страшно, так реально... Никаких интервью с представителями порядка, никаких

долгих планов на вещдоки. Только преследования — на вертолетах, на автомобилях по ночному городу. Андрей не мог поверить — они снимали убийство, они снимали умирающую жертву, попытки врачей «Скорой помощи» ее спасти и снова гон за преступником... Он выключил видео. Нахмурился. Такое не может быть реальностью, просто не может! Капитан был слишком профессионалом, чтобы этого не понимать. Людей убивали практически перед телекамерами, и это, конечно же, просто срежиссированное действие, а значит, на самом деле все жертвы были профессиональными актерами, так? Но не получалось. Он взял список передач. Какое-то имя зацепило его в одном из самых первых выпусков. Овечкин. Псих, который душил и насиловал девушек. Обычно в зоне зеленых насаждений — парках, скверах. Он еще написал письмо в «Коммерсант», уверяя прессу, что система прогнила и убийство для него лишь способ продемонстрировать... И Андрей резко развернулся на кресле к сидящему рядом Виктору Соловьеву, тщедушному мужчине в слишком большом для него темно-синем костюме. Соловьев был заместителем Ираклия, его доверенным лицом. И сейчас он походил на испуганного мальчика, надевшего отцовский пиджак.

— Первые передачи... — сказал Андрей медленно, стараясь контролировать ярость в своем голосе, — были записаны вживую, верно?

Соловьев вздрогнул, мелко закачал головой:

— Это была его инициатива, Овечкина! Он позвонил Ираклию и сказал, что вместе они сделают супершоу. Они договорились: Овечкин звонит ему, отправляясь «на охоту», а наше дело найти его и заснять.

— И вы, — Андрей сглотнул, — смотрели на то, как он убивает этих девушек. А он, зная, что вы — не полиция, особенно и не торопился, да?

— Понимаете, — голос Соловьева задрожал, на лбу появилась испарина, — это было его условием, чтобы полиция... А девушки уже были мертвыми, мы только преследовали его по лесу, и все...

— Не очень стараясь поймать, так? — кивнул Андрей, кривя губы в улыбке. — Ведь чем дольше он убивает, тем больше у вас рейтинговых программ?

Соловьев замахал руками:

— Нет, нет, только две! В первый раз мы не были уверены, что он не блефует, поэтому не предупредили полицию, а во второй раз полиция уже была на месте, и его обезвредили. Ваши коллеги нас не осуждали, даже вынесли благодарность!

— Даже благодарность, — эхом повторил Андрей. Ярость оставила его, как волна, схлынувшая с берега. В душе стало пусто и гулко: он был уверен — Ираклий и в первый раз знал, на что идет. И пошел бы и в третий, если бы верил в свою безнаказанность.

Он поднялся со стула, отодвинув со своего пути, как мебель, взмокшего Соловьева. А Соловьев смотрел ему вслед глазами побитой собаки.

«Надо рассказать, надо все рассказать», — думал с тоской Соловьев. Но страшно подумать, что сделает с ним этот опер с ледяным взглядом, если узнает правду.

МАША

Не сразу, но Маша вышла на брата покойного Кононова — тоже профессора, только в каком-то техническом вузе. Тот долго не мог понять ее просьбу, и Маша, стесняясь, путаясь, объясняла, что убита ученица Александра Ивановича и, похоже, тот что-то про нее знал. Что-то, могущее привести к убийце.

— Но почему именно он? — Обладатель мягкого баса на другом конце трубки не скрывал удивления.

— Потому что... — Маша вздохнула, — у Александра Ивановича были с ней отношения.

— С кем?! — переспросил брат Кононова.

— Со студенткой Канунниковой, — тихо подтвердила Маша.

Профессор помолчал.

— Мне кажется, вы что-то путаете. Мой брат был порядочным и уже пожилым человеком, вряд ли он... Но я, конечно, могу с вами встретиться, передать ключи.

* * *

— Жена с дочерью уехали на юг еще в мае — у дочки недолеченный туберкулез, — пояснил он чуть скованно, передавая Маше на следующее утро у метро брелок с ключами. — Все времени не хватает заняться Сашиной квартирой. Мы забрали только ценные вещи: часы, несколько безделушек, портрет матери. Все остальное — в том же виде, в котором было при его жизни.

Маша кивнула. Это была несомненная удача. Она записала адрес и выслушала путаные объяснения, как найти нужный дом.

На самом деле все оказалось не так страшно. Дом стоял посреди двора — четырехэтажный, сталинской постройки. Двор — тихий, зеленый, в тополях по периметру и с детской площадкой — был практически недоступен с улицы: в нем нельзя было даже припарковаться, ворота единственной арки пропускали обитателей, но не их машины.

Профессор жил на втором этаже, и, толкнув единственную на площадке старую, еще обитую дерматином входную дверь, Маша почувствовала запах свежей мастики и отдушки для сти-

рального порошка. В квартире стояла гулкая тишина, но она не казалась необитаемой. Напротив, Маше чудилось, будто квартира дышит, живет своей жизнью. Об этом свидетельствовало множество мелких деталей — обильно политая земля в цветочном горшке, приютившем длиннолистное растение, вроде гусмании. Отсутствие пыли на полках и этот запах, как будто здесь только что стирали. Маша дотронулась до кремовых занавесок на окнах и вздрогнула — они были чуть влажные. Что за чертовщина? Вряд ли брат покойного занимался тут стиркой... Маша оглядела комнату, служившую кабинетом, — небольшую, но уютную. Высокие потолки, светлые обои, трехстворчатое окно. Письменный стол — солидный, тяжелый. Что-то в нем смутило Машу. Ах да! — отсутствие компьютера. Она аккуратно просмотрела все бумаги из двух нижних ящиков — план занятий, задания студентам, распечатанные мейлы от ректора; значит, компьютер все ж таки имелся. Очевидно, его забрали вместе с прочими «ценными вещами». Маша уже выдвинула последний, верхний ящик, когда услышала тихий щелчок открываемой двери. Она замерла. Из прихожей донеслись шорохи: шелест снимаемого легкого плаща, легкий стук — Маша нахмурилась: неизвестный вынул тапки? Раздались шаги, объемная тень появилась за дверью со вставкой из дымчатого стекла, отделяющей комнату от коридора. В дверь тихо постучали. Похоже, ее обнаружили.

— Войдите, — чуть дрогнув голосом, сказала Маша.

Дверь распахнулась — на пороге стояла крупная женщина лет пятидесяти в красном платье с почти непристойным декольте. Губы у женщины были покрашены яркой помадой в тон наряду, волосы забраны в гладкий пучок на голове. На ногах — действительно тапки, но тоже кокетливые, с вышивкой.